

Пьесы о дворянской чести и «должности», о конфликте между разумом и врожденными человеку страстями игрались на придворном театре, директором которого с 1756 по 1761 г. был Сумароков. Лукин же говорит о другом театре и других пьесах. Этот театр на пустыре за Малой Морской посещается «низкая степени пародом», имеющим к нему «великую жадность». Там играют наборщики академической типографии, и актер, изображавший крестьянина, держится за сценой так гордо, как будто бы он играл героя.

И пьеса «Щепетильник» также не похожа на сумароковские вещи.

Герой ее, Щепетильник. — продавец галантерейных товаров, часов, табакерок, пряжек, металлических, фарфоровых и драгоценных вещей, человек с необычайной для купца биографией. Он дальний родственник Стародуму. Честный майор Чистосердов приводит своего племянника послушать его обличительные речи, раскрывающие общественные пороки и слабости. Щепетильник не купец, а отставной офицер и сын офицера, но не помещик.

Отец, терпя нужду, дал ему отличное воспитание, редкое даже для дворянского сына в то время, когда государственных училищ для недворян еще не было. В отличие от «пышных молодчиков» ни Щепетильник, ни его отец не просили для себя никаких наград. С таким характером Щепетильник не мог служить: он видел злоупотребления, говорил правду в глаза своим начальникам и принужден был выйти в отставку.

Очевидно, вопрос о средствах встал для него ребром и он нашел неожиданный выход, сделавшись оригинальным купцом-мизантропом, в глаза ругающим своих глупых покупателей дворян и говорящим им дерзости.

Появление на сцене человека с такой биографией и с таким своеобразным амплуа следует признать знаменательным событием. Сумароковскому презрению к купцам был противопоставлен третьесословный положительный герой, стоящий на голову выше развращенного и пустого дворянского общества. Отсюда понятно, по какой линии шла неприязнь к Лукину, видно, чем прикрыто было наличие классово-сословных противоречий. Нападать на Сумарокова, возглавлявшего крепко сплоченную группу, со своими органами печати, установившимися традициями и вкусами, имевшую членов своих и в Петербурге и Москве — было делом неслыханным. Литературный авторитет Сумарокова охранялся чрезвычайно бдительно. «Синав и Трувор» и «Семира» были вершинами классической драмы в России. Отвлеченная рационалистическая эстетика, абстрагирование от действительной жизни, выведение на сцену постоянных масок, вместо людей, масок, никак не характерных ни для России вообще, ни для современности — все это противоречило литературным взглядам Лукина и вызвало его решительные возражения.